

Пенская Татьяна Михайловна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
юридический институт НИУ «БелГУ»,
(Белгород, Россия)

ОТ МОНАРХИИ САМОДЕРЖАВНО-ЗЕМСКОЙ К МОНАРХИИ САМОДЕРЖАВНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ: К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РАННЕМ НОВОМ ВРЕМЕНИ

Аннотация. В статье автор рассматривают эволюцию русской государственности, политического режима, администрации и отношений власти и общества в раннее Новое время. Используя возможности, заложенные в концепции «составного государства» и «военной революции», автор статьи показывает, как необходимость внешней экспансии в условиях бедности Русского государства на ресурсы обусловили трансформацию русской монархии от самодержавно-земской (где бесперебойная и эффективная работа государственного механизма обеспечивалась сотрудничеством верховной власти и местного самоуправления) к монархии самодержавно-бюрократической (где верховная власть опиралась прежде всего на бюрократию и насилие, низведя местное самоуправление до вспомогательной, второстепенной роли в системе государственного управления).

Ключевые слова: раннее Новое время, политический режим, бюрократия, Российское государство, самодержавие, абсолютизм, реформы

Под занавес Первой русской революции 1905-1907 гг. русский историк и публицист С.П. Мельгунов, анализируя развитие отношений русской Церкви и государства в раннем Новом времени, сделал любопытное наблюдение относительно эволюции характера русской государственности в XVI – начале XVIII вв. Он писал, что в это время «самодержавно-земская монархия сменялась самодержавно-бюрократической», и эта перемена сопровождалась процессами изменений в общественной и политической жизни: «Общественная и государственная жизнь теряла свой первоначальный патриархальный характер и начинала регулироваться определенными правовыми нормами»¹.

Итак, для С.П. Мельгунова раннемодерное Русское государство в первых этапах своего развития представляло собой «патриархальную» «земско-самодержавную» монархию, т.е. монархию, политический режим которой основывался на некоем компромиссе, своего рода «общественном договоре» между московским государем и его подданными. Этот «договор», однако, носил неформальный, неписанный характер, незафиксированный ни в какой хартии или ином правовом акте, оставаясь полностью в рамках традиции или обычая. Этот обычай, эта традиция была хорошо известна главным действующим лицам (неважно, были ли это отдельные персоны или же группы лиц, объединенных каким-либо связями – территориальными ли, кланово-семейными ли, патрон-клиентскими или какими иными,) московского политического «театра». Поэтому эта хорошо знакомая и заученная, впитанная, что называется, с молоком матери, традиционная политическая культура не требовала формализации.

---

¹ Мельгунов С.П. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). Москва, 1907. С. 16.

Идеи, высказанные С.П. Мельгуновым более столетия назад, неплохо ложатся в контекст концепции «составного государства», которая была предложена Г. Кенигсбергером и доработана Дж. Эллиотом¹. «Композитный», составной (или, если хотите, «лоскутный») характер раннемоде­р­ной русской государственности, при внимательном и непредвзятом анализе прежде всего актовых материалов, судебной практики и законодательства, в целом не вызывает сомнений, о чем мы неоднократно уже писали прежде². Иван III, его сын и преемник Василий III и внук Иван IV, будучи возвращенными и воспитанными в сугубо консервативно настроенной московской, пронизанной кланово-семейными, патрон-клиентскими и патриархальными отношениями и связями, среде, отнюдь не были новаторами и радикальными реформаторами, но мыслили вполне традиционными категориями «общего блага». К тому же ограниченность ресурсов, которыми они располагали (а ранне­мо­де­р­ная Московия – бедное, аграрное общество) вынуждало их избегать рискованных социально-политических и административных экспериментов. Даже пресловутая опричнина, на наш взгляд, учреждение вполне консервативное, попытка Ивана IV создать себе свой двор, которому он мог бы всецело доверять и опереться в противостоянии с аристократической оппозицией. От московских государей общество ожидало прежде всего, что они будут править, как верно подметила Н. Коллманн, в соответствии с господствующими представлениями. Суть же последних заключалась в том, что правитель должен был соблюдать традицию и гарантировать безопасность, покровительствовать церкви, защищать бедных, быть правосудным и защищать свой народ от внешнего врага³. И тот факт, что почти столетие с четвертью, обнимающее правление двух Иванов и одного Василия, мы не наблюдаем серьезных социальных потрясений и мятежей (политическая борьба при дворе, казни и опалы – это, можно сказать, «норма», не оказывающая сколько-нибудь значимого влияния на всю систему в целом), косвенным образом свидетельствует в пользу предположения, что даже Иван IV, традиционно считающийся образцом тирана, соответствовал этим господствующим в обществе представлениям. И его легитимность, равно как и лояльность его персоне со стороны подданных, были вне сомнений.

Но вернемся к «лоскутности» ранне­мо­де­р­ного Русского государства. Безусловно, шаг за шагом, действуя в рамках консервативной традиции, последним Рюриковичам на московском престоле удалось выстроить внешне централизованное государство. Однако за этим фасадом, искусно драпированном эффек­т­ными декларациями (достаточно вспомнить знаменитую фразу Ивана Грозного, что он волен своих слуг и жаловать, и казнить), скрывалось вполне традиционное устройство «составного государства» с его «надстроенными» над обычными и привычными местными структурами управления правительственными органами власти. Более того, в ходе «реформ» 40-х – 50-х гг. XVI в. (которые, собственно говоря, начались еще во 2-й половине 30-х гг., в регентство матери Ивана IV великой княгини Елены Глинской), происходит определенная легитимация, придание своего рода «флера» законности со стороны

¹ См.: Elliott, J. H. A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. Number 137. The Cultural and Political Construction of Europe. P. 48-71; Koenigsberger, H. G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale* // Theory and Society. 1978. Vol. 5. 2. P. 191-217.

² Lipich T.I., Lipich V.V., Penskoj V.V. and Penskaya T.M. The Reign of Ivan the Terrible: From «Patrimonial State» to «Composite Monarchy» // The Social Sciences. 2016. Volume 11. Issue 10. P. 2421-2424; Penskaya T., Zajcev V., Podgornij V., Shabalina E., & Potapov V. Moscow Autocracy of XVI XVII Centuries: Eastern «Despotism» or an Early Modern European Monarchy? // Journal of History Culture and Art Research. 2017. № 6(3). P. 1190-1198 и др.

³ Kollmann N. S. *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia*. Ithaka & London, 1999. P. 416, 417.

верховой власти, и упорядочивание работы органов местного самоуправления (через, к примеру, «унификацию» бюрократических процедур и делопроизводства центральных приказов и местных «земских» канцелярий-изб).

Еще более наглядно «лоскутность» Русского государства в XVI в. просматривается, если проанализировать состояние его правового пространства. Унифицируя судебно-процессуальные процедуры, забирая под свою юрисдикцию расследование и наказание особо опасных преступлений (убийства, разбои и т.п.), верховная власть не вмешивается в остальные вопросы, оставляя их разрешение на усмотрение местных правовых обычаев и традиции. И даже на завоеванных территориях (где, казалось бы, ничто не мешало ввести московские законы), Рюриковичи не торопились изменять сложившуюся систему. Ярким примером тому может служить наказ Ивана Грозного воеводам, которым он поручил управление завоеванным Полоцком. Согласно наказу, осуществляя судопроизводство, воеводы должны были ориентироваться на местные правовые обычаи и традиции, причем вершить суд вместе с выборными от местных «лучших людей»¹. Принимая же во внимание, что в свое время Полоцк был пожалован великими литовскими князьями магдебургским правом, то выходит, что Иван Грозный сохранил его нормы в качестве действующего права. Подчеркнем – все это происходит в городе, который сдался на милость победителя после двухнедельной осады и мощной бомбардировки!

В целом можно с уверенностью сказать, что к началу XVII в. в Русском государстве складывается своего рода разделение властей, едва ли не классическое для раннеמודерных политий, основанное на своего рода «партнерстве» (естественно, что старшим «партнером» в этой системе была верховная власть, а земское самоуправление – «младшим», «ведомым»). Верховная власть взяла на себя «дело государево» – дипломатию и войну, финансы и верховный же арбитраж. Местное же обустройство, поддержание порядка на местах, разрешение споров и тяжб, возникающих в повседневной жизни, расклад налогов и повинностей вместе с их сбором и прочее, имеющее отношение до «повседневности» – все это было отдано на откуп местному, «земскому» **выборному** (выделено нами – **Т.П.**) самоуправлению, которое в своих действиях руководствовалось не только спускаемыми сверху указаниями, но и местными обычаями. Земское самоуправление почувствовало «вкус» власти, набрало необходимый опыт управления и твердо встало на ноги. И, на наш взгляд, именно это обстоятельство в первую очередь обусловило «чудесный», на первый, неискушенный, взгляд, выход России из Смуты. В условиях, когда верховная власть и ее институты были парализованы и фактически оказались недееспособными в результате длительного политического кризиса, именно земское самоуправление взяло в свои руки бразды правления и спасло государство, выбрав новую династию и восстановив традиционную и привычную систему управления.

Вместе с тем во 2-й половине XVI в. стали еще заметнее тенденции, которые наметились прежде – это бюрократизация центрального управления в первую очередь. С середины XVI в., когда получили свое организационное оформление первые приказы, до конца века их число существенно выросло. При этом степень их «автономности» от верховной власти, которая уже наличествовала во 2-й половине 30-х гг. XVI в. (на что указывал М.М. Кром²), только выросла, равно как и объем властных

---

¹ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. С. 145-146.

² Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30 – 40-х годов XVI века. М., 2010. С. 617.

полномочий, сфера юрисдикции – что с большим неудовольствием было встречено оппозицией, критиковавшей Ивана Грозного за то доверие, которое он оказывал своим *letrados*. В пограничных городах и уездах постепенно утверждается воеводское управление. Последнее, в силу неразвитости местных пограничных сообществ (как правило, на «фронтире», в особенности на степном, большую часть населения составляли служилые люди разных чинов), прибирало к своим рукам большую, чем обычно, долю власти на местах.

Отметим также, что к концу правления Ивана Грозного, четко обозначились признаки острого социально-экономического и, естественно, политического кризиса, одним из симптомов которого стало пассивное сопротивление местных сообществ растущим требованиям власти. Оно нашло свое выражение в побегам, неявке на службу, росте недоимок, саботаже выполнения повинностей и пр. Впрочем, это и не удивительно – запас прочности самодержавно-земской монархии явно был на исходе, поскольку с середины 40-х гг. Русское государство практически непрерывно воевало на нескольких «фронтах» одновременно, тогда как экономическая конъюнктура вследствие серии природных катаклизмов и эпидемий была негативной и сохраняла устойчивую тенденцию к дальнейшему ухудшению.

Опыт военных конфликтов 2-й половины XVI в., в особенности столкновений с Речью Посполитой в 1578-1582 гг. и Швецией, показал, что «классическая» московская военная машина, основу которой составляла конная поместная милиция, уступала в боеспособности при всех прочих равных условиях армиям королей Швеции и Речи Посполитой. Для успешного реванша и возобновления экспансии на западном направлении русская военная система должна была быть преобразована в соответствии с последними требованиями и новациями «военной революции», вышедшей к тому времени на новый уровень. Первый опыт создания нового, по-европейски обученного и снаряженного войска, полученный в ходе Смоленской войны 1632-1634 гг., показал всю сложность и вместе с тем неизбежность таких шагов. Алексей Михайлович, хотя и получил прозвище «Тишайшего», тем не менее, с 1654 г. развернул активное наступление на западном военном и дипломатическом направлении, намереваясь взять реванш за унижения Смуты и расширить свои владения. Ставка при этом была сделана на новую, реорганизованную в соответствии с последними европейскими стандартами, армию, содержание которой обходилось крайне недешево. Необходимость поддерживать нужный уровень мобилизации при уже отмечавшейся выше бедности России и явно недостаточной развитости «*sineews of power*» обусловили дальнейшую бюрократизацию управления и постепенно низведение земского самоуправления с места младшего партнера на роль подручного. Это не могло не вызвать роста социального и политического напряжения в обществе, особенно если принять во внимание сложное экономическое и финансовое положение, усугубленное неудачными действиями правительства. Не случайно время правления Алексея Михайловича вошло в русскую историю под характерным прозвищем «Бунташный век». Ослабленное земство уже не могло противостоять давлению сверху, тем более что и традиционные противовесы самодержавным устремлениям верховной власти, аристократия и церковь, сами переживали не лучшие времена. Первая, истощив себя в политической борьбе и интригах 2-й половины XVI – начала XVII вв., так и не оправилась после Смуты, а вторая переживала крайне болезненный процесс русской «Реформации», выразившейся в борьбе между сторонниками церковной реформы и ее противниками.

Как результат, мы наблюдаем, что, действительно, самодержавно-земская монархия последних Рюриковичей постепенно трансформируется в самодержавно-

бюрократическую монархию Романовых. Решающим, поворотным пунктом в этой эволюции стала эпоха Петра Великого, который, стремясь ускорить социально-экономическое, политическое и культурное развитие России, в ходе своих грандиозных реформ сделал ставку на государственные институты, прежде всего на бюрократию, как главные инструменты в их осуществлении. Местное самоуправление при нем было сведено к минимуму, и хотя после Петра можно говорить об определенном откате от этой сверхцентрализации и бюрократизации, однако новая традиция, заложенная при Петре и опиравшаяся на тенденции, которые возникли намного ранее, взяла верх.

Анализируя особенности развития русской государственности в раннее Новое время (понимая под ним конце XV – начало, точнее, 1-ю четверть, XVIII вв.) и определяя факторы, оказавшие наибольшее влияние на формирование своеобразной его внешней формы, мы считаем, что здесь сыграли свою роль два момента. Первый – необходимость и неизбежность экспансии, обусловленная рядом как объективных, так и субъективных, причин. Вторая – бедность России ресурсами. Два этих фактора, наложившись на необходимость существенной перестройки военного механизма с учетом требований военной революции, сделали неизбежным доведение до логического завершения идеи «служилого государства». В этом государстве все его «чины» были обязаны службой государству, которое принималось обществом в целом и отдельными сообществами в частности, как некий силовой кокон, обеспечивающий выживание социума и сохранение привычного уклада жизни. Растущие требования государства к обществу и невозможность удовлетворить их при сохранении прежних порядков сделали неизбежным усиление насилия, направленного сверху вниз, со стороны власти по направлению к местным сообществам. Самодержавно-земская монархия, основанная на определенном договоре и сотрудничестве земли и власти, была сменена на монархию самодержавно-бюрократическую, в которой верховная власть опиралась в первую очередь на насилие.

Пенской Виталий Викторович,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
юридический институт НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

РАННЕМОДЕРНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЫ: ОТ «ЛОСКУТНЫХ» МОНАРХИЙ ДО «ЛЕВИАФАНА»

Аннотация. В статье автор рассматривают эволюцию раннемодерной европейской государственности. Используя эвристический потенциал, заложенный в концепции «составного государства» и «военной революции», автор статьи показывает, как необходимость внешней экспансии обусловила трансформацию рыхлых средневековых монархий в монархии раннего Нового времени, которые репрезентовали себя как централизованные. Вместе с тем автор показывает, анализируя особенности их развития и устройства, что степень их централизованности не стоит преувеличивать, и превращение их в современные государства заняло несколько столетий.

Ключевые слова Раннее Новое время, политический режим, бюрократия, composite state, абсолютизм, реформы